

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.И. Покровский

**Сущность монтатизма
и необходимость напряженной
церковно-соборной борьбы с ним**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 10. С. 1201-1215.*

 Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
www.spbda.ru, 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Сущность монтанизма и необходимость напряженной церковно-соборной борьбы съ нимъ *).

Мо, что въ предыдущихъ отдылахъ могли мы предложить по вопросу о соборахъ древней церкви противъ монтанизма, въ сущности, основано всего лишь на двухъ, сравнительно небольшихъ, отрывкахъ изъ церковной истории Евсевія (V, 16, 10 и V, 19). Поэтому наши, довольно обширные рѣчи на эту тему представляютъ изъ себя, главнымъ образомъ, подробный аналитический и реально-исторический комментарій указанныхъ важныхъ свидѣтельствъ Евсевія, а частію — и рядъ нашихъ собственныхъ, такъ или иначе мотивированныхъ, заключеній и догадокъ о болѣе конкретныхъ формахъ тѣхъ соборовъ, которые намѣчены въ текстѣ Евсевія слишкомъ неопределенно и обще. Отсюда въ нашемъ изслѣдованіи объ антимонтанистическихъ соборахъ видное мѣсто занялъ элементъ, который, въ извѣстномъ смыслѣ, можетъ быть названъ субъективнымъ, поскольку дѣло касается нашей личной обработки исторического текста и извлечения изъ него соотвѣтствующихъ выводовъ, путемъ нашего же собственного освѣщенія текста и построенія на такой основѣ нашихъ же, болѣе или менѣе, субъективныхъ выводовъ. Вполнѣ понимая, что такой, хотя и вынужденный необходимостью (отсутствиемъ другого, болѣе определенного материала), нѣсколько субъективный методъ изслѣдованія можетъ встрѣтить серьезныя возраженія со стороны

*) Продолженіе. См. сентябрь.

болѣе строгихъ историковъ и канонистовъ, мы и хотѣли бы настоящимъ своимъ очеркомъ, если не вовсе устранить, то значительно ослабить подобный упрекъ и придать своимъ выводамъ и утвержденіямъ возможно большую, чисто объективную убѣдительность и силу. И самымъ надежнымъ средствомъ для достижения такой цѣли мы считаемъ сжатую общую характеристику начального монтанизма, которая ясно, определенно, а главное, научно-объективно отвѣтила бы намъ на вопросы: что такое монтанизмъ? представлялъ ли онъ какую-либо реальную опасность для тогдашней Христовой Церкви? и слѣдовательно, вынуждалъ ли ее на столь напряженную соборную работу и борьбу съ нимъ?

Если бы мы захотѣли какъ можно короче отвѣтить на первый, важнѣйшій изъ поставленныхъ вопросовъ, то должны были бы сдѣлать это всего въ двухъ словахъ: монтанизмъ это—«новое пророчество». «Новымъ пророчествомъ монтанизмъ называетъ себя самъ и этимъ самообозначеніемъ даетъ знать, чѣмъ быть онъ претендуетъ»¹⁾. Вотъ нѣсколько убѣдительныхъ примѣровъ такого пророчества, взятыхъ изъ специального приложенія къ монографіи Bonwetsch'a²⁾. «Человѣкъ, какъ лира—говорить Монтанъ—а я накатываю (χάγῳ ἐφίπταμαι), какъ бряцало. Человѣкъ спитъ, а я бодрствую. Вотъ Господь приводить въ экстазъ сердца людей и даетъ сердце людямъ»³⁾. Про того же Монтана Епифаній свидѣтельствуетъ: «Монтанъ говоритъ въ такъ называемомъ своемъ пророчествѣ (ἐν τῷ ἑαυτοῦ λεγομένῳ προφητεῖᾳ): «я Господь Богъ Вседержитель, вселившійся въ человѣка», и еще: «ни ангель, ни пресвитеръ, но пришелъ я Господь Богъ Отецъ»⁴⁾. То же подтверждаетъ и Диодимъ: «ибо Монтанъ, говорять, сказалъ: «я—Отецъ и Сынъ и Утѣшитель (ό παράκλητος)»⁵⁾. Не менѣе притязательны и изреченія ближайшихъ сподвижницъ Мон-

¹⁾ G. Nathanael Bonwetsch „Die Geschichte des Montanismus“—127 s. Erlangen, 1881.

²⁾ Ibidem. Beilage I. Die Aussprüche montanistischer Propheten. 197—200 s. Всѣ послѣдующія цитаты взяты отсюда. Онъ же, въ связи съ самымъ текстомъ Епифанія, Ипполита и др., приведены и въ Beilagen къ монографіи G. Voigl'a „Eine verschollene Urkunde des antimontanistischen Kampfes“ 331—345 s. Leipzig, 1891.

³⁾ Epiph. haeres. 48. 4. П. 430. ed. G. Dindorf, Lipsiae 1860.

⁴⁾ Ibidem. 10. 437 s. 11, 437 и 439.

⁵⁾ Didym. de trinit. 41, 1. (PG, 39, 984).

тана—пророчицъ Прискиллы и Максимиллы. Прискилла, напримѣръ, по свидѣтельству Епифанія, говорила о себѣ: «въ образѣ воплощенной женщины, въ блестящей одеждѣ подошла къ мнѣ Христосъ и вложилъ въ меня премудрость и открылъ мнѣ тотъ способъ, какъ быть святымъ и какимъ образомъ свести Іерусалимъ съ неба»¹). Отъ Максимиллы сохранилось изреченіе: «меня преслѣдуютъ, какъ волка среди овецъ; но я не волкъ; я—слово, духъ и сила (ρῆμά εἰμι καὶ πνεῦμα καὶ δύναμις)»²); и той же Максимиллѣ приписываютъ слова: «послѣ меня не будетъ ужъ пророка, но конецъ міра (συντέλεια)»³). Очень выразительны и свидѣтельства известнаго церковнаго писателя Тертулліана, уклонившагося подъ конецъ своей жизни въ монтанизмъ и ставшаго его главнымъ идеологомъ: «имѣю я (свидѣтельство) самого Параклeta, въ новыхъ пророкахъ говорящаго (*in prophetis novis... dicentem*)»⁴). Тотъ же Тертулліанъ въ полемическомъ трактатѣ противъ Праксея обѣщаетъ всѣ дары Св. Духа, включительно до истолкованія тайнъ божественнаго домостроительства (*οἰκονομίας interpretatorem*) тому, «кто приметъ рѣчи *новаго пророчества*» (*quis sermones novae prophetiae ejus admiserit*) и избереть его своимъ жизненнымъ руководствомъ⁵). О новоявленныхъ монтанистахъ, какъ именно, о «пророкахъ», или точнѣе «лже-пророкахъ», говорять и современные имъ православные писатели—антимонтанисты (Мелитонъ, Мильтіадъ, Аполлинарій, анонимъ, Аполлоній, Кл. Алекс., Ориг., Ипполітъ Рим.), а также и послѣдующіе церковные историки и ересеологи (Евсевій, Епифаній, бл. Іеронимъ, Филастр. и др.⁶). Такъ

¹⁾ *Epiph.* haer. 49, 1. 444 s. ²⁾ *Euseb.* h. e. V, 16, 17.

³⁾ *Epiph.* haer. 48, 2, 427. ⁴⁾ *Tertul.* de pudic. 21.

⁵⁾ *Tertull.* Adv. Prax. 8.

⁶⁾ Такъ, Мелитонъ, еп. Сардійскій свои полемическія сочиненія противъ монтанистовъ специально заглавлялъ: „о пророкахъ“ и „о пророчествѣ“ (*Евсевій* IV, XXVI, 237 стр. Ср. *Euseb.* Kirchengeschichte IV, 26, 1, 380—382). Это подтверждаетъ и бл. Іеронимъ, который говорить, что Мелитонъ написалъ „о жизни пророковъ одну книгу“ и „о пророчествѣ одну книгу“ („О зпамен. мужахъ“ XXIV, рус. пер. Твор. бл. Іеронима Стридонскаго, 5 час. 306 стр. Кіевъ 1879 г.); причемъ здѣсь Іеронимъ добавляетъ, что критикой данныхъ сочиненій служить трактатъ Тертулліана „de extasi, lib. VII (до насъ не дошедшій), въ которомъ онъ отдаетъ дань тонкому уму и литературному таланту (*elegans et declamatorium ingenium*) Мелитона. Впрочемъ, А. Нарнакъ, наоборотъ, говоритъ объ ироническомъ отношеніи Тертулліана къ труду Мелитона (предпо-

что, по глубоко справедливому отзыву проф. Болотова, «признать монтанизмъ, значило признать пророчества Монтана и Максимиллы, признать открывшія въ нихъ духовныя даро-

читаетъ чтеніе *cavilatur diciens* вмѣсто *laudans dicet— „Melito und seine Schriften“*. Die Ueberlief. der griechischen Apologeten d. 2 Jahrh. in der alten Kirche und im Mittelalter. TU, I, 241 s. Leipzig 1883). Другой видный писатель антимонтанистъ — Мильтиадъ (вѣроятно, современникъ Іуст. Фил. и Ириная Ліонскаго), котораго Тертулліанъ называлъ „софистомъ“, т. е. дидаскаломъ, или учителемъ церковнаго краснорѣчія (*ecclesiarum sophista—Tertull. adv. Valentin.* с. 5.) писалъ специальную книгу о ложномъ пророчествѣ монтанистовъ, въ отличіе отъ истиннаго, содержимаго церковью (*Euseb. V, XVII* 294—295. Ср. *Euseb. V*, 17, 470 s.). О Клавдіи Аполлинарі, еп. Ерапольскомъ, какъ видномъ полемистѣ противъ монтанизма, мы знаемъ лишь со словъ Евсевія, который называетъ его „несокрушимымъ оружіемъ“ (*ἄπλον ἰσχυρόν, твердымъ оплотомъ*) въ этой борьбѣ и упоминаетъ о немъ неоднократно (*Euseb. IV, 26, 1, V, 16, 1* и *V, 19, 1 sq.*). Самое важное изъ этихъ упоминаній, соединяющее съ именемъ Аполлинарія и имя его младшаго современника—Серапіона, еп. антиохійскаго, мы уже подробно анализировали выше. Въ данномъ случаѣ еще разъ подчеркнемъ въ письмѣ Серапіона слова „ложное училище такъ называемаго *новаго пророчества*“ (*Euseb. V, 19, 2, 478 s.*), которыми характеризуетъ здѣсь монтанизмъ еп. Серапіонъ, въполномъ согласіи съ еп. Аполлинаріемъ, на авторитетъ котораго онъ и ссылается.

Подъ именемъ „анонима“ въ данномъ случаѣ разумѣется тотъ неизвѣстный по имени писатель антимонтанистъ, на сочиненіяхъ котораго Евсевій, главнымъ образомъ, и основываетъ все свое повѣствованіе о начальной исторической фазѣ восточно-фригійскаго монтанизма (*Euseb. V, 16, 458—468 s.*). Изъ сочиненія этого „анонима“ Евсевій приводить цѣлый рядъ убѣдительныхъ выдержекъ, прекрасно характеризующихъ собой монтанизмъ. И главной, доминирующей чертой этой характеристики опять-же является притязаніе еретиковъ на „пророчество“, въ дѣйствительности оказывавшееся „лжепророчествомъ“ (*ψευδοπροφητείας Euseb. V, 16, 4, 460 s.*). Такимъ иаступленнымъ пророкомъ, подпавшимъ вліянію „противника“ (τῷ ἀντικειμένῳ—очевидно разумѣется „діаволь“), былъ самъ родоначальникъ ереси—Монтанъ и такими-же одержимыми „зломыслиящими, льстивыми и обманчивыми духомъ“ (τὸ βλαғіфроν καὶ ὑποχριστικὸν καὶ λαοπλάνον πνεύμα) были и всѣ послѣдователи Монтана, во главѣ съ двумя какими-то женщинами (Прискиллой и Максимиллой, какъ открывается изъ дальнѣйшаго), исполненными „подложного духа“ (τοῦ νόθου πνεύματος) и говорившими поэтому „безмысленно, неумѣстно и странно“ (ἐξφρόνως καὶ ἀκαίρως καὶ ἀλλοτριοτρόπως). Наконецъ, тотъ-же „анонимъ“, передавая одинъ, довольно легендарный разсказъ о другомъ расколовоождѣ—Ѳеодотѣ, называетъ его οἴον ἐπιτρόπον λεγομένης *пророчетеіаς*, „какъ-бы блюстителемъ, или попечителемъ (казначеемъ?) такъ называемаго *пророчества*“, т. е. новоявленной монтанистической организаціи, въ которой, слѣдовательно, признакъ „пророчества“ былъ наиболѣе

ванія (*χαρίσματα*), признать самого Св. Духа Утѣшителя. По миѣнію монтанистовъ, именно теперь наступила та эпоха, о которой предсказывалъ пророкъ Іоиль (ІІ, 28): «въ послѣдніе дни излію отъ Духа Моего на всяку плоть». Теперь настало время полнаго откровенія Параклета, Духа Утѣшителя: пришелъ Духъ истины, чтобы научить вѣрующихъ всему» (Іо. XIV, 26) ¹⁾.

характернымъ, сообщающимъ свое имя и всей этой сектѣ. Очень сильную критику начального монтанизма даетъ, дальше, антимонтанистъ самаго конца II-го или даже начала III в.—нѣкто Апеллоній (по Nag-pnack'у—еп. Ефесскій), написавшій эту критику, какъ самъ онъ замѣчаетъ, „черезъ сорокъ лѣтъ по выступленіи Монтана, (т. е. по Zahn'у и Harnack'у ок. 196—197 г. „Die Chronologie I, 380—381 с.). Критика эта не дошла до насть; но съ содержаніемъ ея довольно подробно знакомитъ Евсевій, отводящій ей цѣлую главу въ своей исторіи (Euseb. V, 18, 473—478). И здѣсь мы снова видимъ, что вся эта критика состоить или въ доказательствахъ лживости монтанистическихъ пророчествъ, или въ разоблаченіи недостойной жизни самихъ этихъ новоявленныхъ пророковъ (Монтана, Приски, Фемизона, Александра, Максимилии), откуда опять слѣдуетъ, что „пророчество и пророки“ были центромъ и душой монтанизма. Въ полномъ согласіи со специальными критиками монтанизма стоять и, болѣе или менѣе, случайная замѣтки о монтанизмѣ, принадлежащія другимъ древнимъ писателямъ. Такъ Климентъ Ал. († ок. 216 г.) самой типической чертой лжеученія „фригійцевъ“ (т. е. монтанистовъ) выставляетъ ихъ преклоненіе передъ „новымъ пророчествомъ“ τὴν νέαν προφητείαν—Strom. IV, 13, 93, ed. Dind. II t. 369 с. Oxf. 1869). Оригенъ, въ толкованіи на посл. къ Коринѳ., оспариваетъ право монтанистическихъ пророчицъ на публичное выступленіе въ церкви (Catena in Pauli ep. Corinth. ed. Cramer, Охопії, 1841, 279 р.). Ипполитъ Рим. († 220—240 г.) лишь кратко отмѣчаетъ неосновательныя и ставшія въ его время уже безопасными притязанія монтанистовъ на то, чтобы сборники изреченій ихъ новыхъ пророковъ поставить выше апостольскихъ писаній (Philosoph. lib. VIII, 19). Изъ послѣдующихъ древнихъ церковныхъ писателей ересеологовъ всего больше удѣляетъ вниманія монтанизму Епифаній, который точно также характеризуетъ его, преимущественно, какъ „новое пророчество“ (Epiph. Haeres. 48, 1—10 sq.), какъ ученіе, претендовавшее на возрожденіе новозавѣтной апостольской харизмы, во всѣхъ ея чрезвычайныхъ проявленіяхъ, въ особенности, въ дарѣ пророчества (ibidem). Мы не говоримъ уже о Тертулліанѣ, всѣ монтанистическая сочиненія котораго самымъ рѣшительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что монтанизмъ онъ считалъ за „новое пророчество“ (nova prophetia) и что въ признаніи Параклета, какъ первоисточника этого пророчества, онъ видѣлъ главную черту, отличающую монтанистовъ („пневматиковъ“) отъ православныхъ („психиковъ“). Tertulliani Opera „Adv. Marc.“ IV, 22, „Adv. Prax.“ 30. De monog.“ XIV с. etc.

¹⁾ В. В. Болотовъ—II, 356—357 стр.

Сама по себѣ идея «откровеній Духа» (*ἀποκάλυψεις τοῦ πνεύματος*) и изліяній благодатной харисмы (*τὰ χαρίσματα*) была, какъ извѣстно, далеко не нова и не чужда сознанію древней Христовой церкви: она нашла себѣ отраженіе, не только во многихъ авторитетныхъ памятникахъ церковной литературы, но и въ самихъ новозавѣтно-апостольскихъ писаніяхъ¹⁾. Можно даже сказать еще больше — въ первенствующей церкви представители благодатной харисмы — апостолы, пророки и дидаскалы—образовывали изъ себя родъ особой, такъ называемой, «харисматической іерархіи», которая не только существовала рядомъ съ «должностной» трехчинной іерархіей (епископъ, пресвитеръ и діаконъ), но, первое время даже и превалировала надъ послѣдней²⁾. Но, приблизительно, съ середины II вѣка (или даже съ его первой половины—эпохи Игнатія Богоносца и Аідахѣ) замѣчается упадокъ харисматической іерархіи и усиленіе на ея счетъ мѣстной, должностной; «пророки»—наиболѣе видные представители харисматиковъ—берутся уже подъ сильное подозрѣніе авторомъ Аідахѣ, преподающимъ вѣрующимъ цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ, какъ отличить истиннаго пророка отъ ложнаго³⁾. И вотъ, какъ это нерѣдко случается, явленіе, исчезающее изъ жизни, подъ конецъ своего существованія даетъ послѣднюю, яркую вспышку. Такой, именно, вспышкой харисматической эпохи и былъ, повидимому, монтанизмъ. Такъ какъ онъ не имѣлъ здоровыхъ жизненныхъ соковъ первенствующей церкви, то могъ дать одну только показную внешность, лишь искаженную, патологическую реакцію.

¹⁾ I Петра IV, 10; Рим. XII, 6; I Кор. I, 7 и XII, 4. 31. Специальная харисма исцѣленій—I Кор. XII, 9. 28: харисма евангельской проповѣди—I Тим. IV, 14; II Тим. I, 6 и др. Изъ памятниковъ древней литературы см. Аідахѣ—XI, 8 „говорить въ духѣ“; „Пастырь“ Ермы, XI-ая зап. и IX подоб. См. обѣ этомъ книгу проф. А. П. Лебедева „Духовенство древней вселенской церкви“ I гл., томъ X-й, Москва 1905 г. 3—26 стр.. а также монографію свящ. М. П. Ошивайского „Духовныя дарованія въ первоначальной христіанской церкви“ Москва 1907 г.

²⁾ Мє. XVI, 4; Дѣян. II, 16; XIII, 1; XV, 22. 32; I Кор. XIV, 28—30, 32; Еф. IV, 20; IV, 11. Аідахѣ—X—XI гл. и XV гл. 1—20. Въ дополненіе къ вышеуказ. трудамъ проф. Лебедева и о. Ошивайского см. еще диссертацию проф. В. Н. Мышиціна, „Устройство христіан. церкви въ первые два вѣка“ Серг. Пос. 1909 г. 93—120 стр.

³⁾ Аідахѣ, „Ученіе двѣнад. апостоловъ“, гл. XI—XIII. На греч. и рус. язык. изд. „Прав. Обоз.“ 1886 г. 34—36 стр.

Болѣзненная ненормальность монтанистической псевдо-харисмы рѣзче всего сказалась въ патологическо-аффективномъ состояніи ихъ экстатическихъ пророковъ. «По историческимъ даннымъ, монтанистическое пророчество было исключительно экстатическимъ, при которомъ человѣкъ былъ только лирой. Пророки монтанистические не владѣли собой, не соблюдали послѣдовательности въ мысли; говорили «безсмысленно, неумѣстно и странно»; ихъ слова были словами экстатиковъ (по Епиф. буквально—*экстатикої рѣчиата*, 48, 4)»¹). Недаромъ, всѣ серьезные изслѣдователи монтанизма, начиная съ Neander'a, Bonwetsch'a и Harnack'a и кончая нашимъ Болотовымъ и англичаниномъ Gwatkin'омъ, считаютъ монтанистическое пророчество типичнѣйшимъ продуктомъ болѣзненно-религіозной экзальтациіи²). Проф. Болотовъ, напр., категорически утверждаетъ, что «эксцентричныя фигуры фригийскихъ пророковъ... весьма сильно походили на помѣшанныхъ³), а проф. Н. М. Gwatkin говоритъ, что монтанисты какъ бы объединяли въ себѣ черты религіозно-изувѣрныхъ культовъ Аттиса и Кабеллы (языческой Фригіи) съ фанатизмомъ древняго хиліазма и съ психологіей раннѣйшихъ англійскихъ квакеровъ и методистовъ⁴). Наиболѣе популярные монтанистические пророки и особенно пророчицы имѣли видъ «безумныхъ или бѣсноватыхъ» людей, религіозныхъ маньяковъ, доходящихъ до полной утраты собственного разума и воли, и въ такомъ состояніи произносящихъ безсвязныя, нелѣпые рѣчи, близко напоминающія собою изреченія языческихъ оракуловъ и ихъ одурманенныхъ пиѳій. Понятно, почему Евсевій такую дурную

¹⁾ Вл. Троицкій „Очерки изъ исторіи догмата о церкви“, 293 стр. Серг. Пос. 1912 г.

²⁾ Neander, Allgem. Geschichte d. chr. Rel. und Kirche³, I B. 278 sq. Bonwetsch „Die Geschichte d. Montanismus“ Erlan. 1881. Harnack—Lehrb. der Dogmengeschichte³, I, 390 sq. и „Mission und. Ausbreit. Christentums“²... I, 176; II, 180 sq.

³⁾ Проф. Болотовъ. „Лекціи по исторіи древней церкви“ II ч. 358 стр. СПБ. 1910.

⁴⁾ H. M. Gwatkin „Early church History“ II vol. ch. XV, Montanism, 74—75 р. Oxford 1909. А авторъ специальной статьи о монтанизмѣ (in Dictionary of Sects, Heresies, Ecclesiastical Parties, and Schools of religious thought, edit. T. H. Blunt, 1903) ставить его въ параллель со всѣми визіонерно-ригористическими движеніями, въ родѣ ученія аббата Іоахима, или проповѣди Петра Оливера и „фратричелловъ“, а также Георга Фокса и ирвингіанъ. 537 р.

манеру (τοῦτον δὲ τὸν τρόπον) «новаго пророчества» называетъ «неслыханной ни въ ветхомъ, ни въ новомъ завѣтѣ» (οὗτε τινὰ τῶν κατά τὴν παλαιὰν οὕτε τῶν κατὰ τὴν καινὴν πνευματοφορηθέντα προφῆτην δεῖξαι δυνήσονται—*Euseb.* V, 17, 3, 470 s.) и происходящей «вопреки обычаю, издревле преданному» (παρὰ τὸ κατὰ παράδοσιν καὶ κατὰ διαδοχὴν ἄνωθεν τῆς ἐκκλησίας ἔθος δῆθεν προφητεύοντα—*Ibid.* V, 16, 7. 462 s.), т. е. вопреки неизмѣнно содер-жимому ветхозавѣтной и новозавѣтной церковью ученію объ истинномъ вдохновеніи отъ Бога. Согласно послѣднему, боже-ственное вдохновеніе, озаряющее того или другого пророка, не подавляетъ и не унижаетъ его личности до какого-то болѣзнетто-пассивного состоянія, а наоборотъ, возводить ее на высшую ступень духовнаго просвѣтленія, при которой она въ самой полной и наиболѣе совершенной формѣ пользуется всѣми своими индивидуальными способностями. У монтанистовъ же, какъ разъ, наоборотъ: сознаніе и умъ ихъ экста-тическихъ пророковъ, какъ говорили они сами, «помрачаемы были» (*obumbrati sunt*) обиліемъ божественного свѣта, изли-вавшагося на нихъ; такъ что въ подобныхъ случаяхъ гово-рили и дѣйствовали уже не люди, а вселявшійся въ нихъ Духъ, или, какъ обычно называли его монтанисты, самъ Па-раклеть¹⁾.

Понятно, что не всѣ монтанисты были способны къ та-кому патологическому психозу, а лишь лица съ повышенной нервной возбудимостью и съ наклонностью къ истеріи. Вотъ, почему, вѣроятно, среди нихъ получили такое видное значе-ніе женщины (Максимила и Прискилла), какъ натуры менѣе сильныя, болѣе предрасположенные къ различнымъ формамъ патологической реакціи. Само собою разумѣется, что такие чрезвычайные экстатики пользовались у монтанистовъ и осо-беннымъ почетомъ: въ нихъ видѣли избранные сосуды Божіи, совершенные органы Духа, какъ бы воплощеніе самого Па-раклeta. «Я—отецъ пришелъ—говорить, напр. о себѣ самъ Монтанъ: «Я Господь Богъ вседержитель, открывшійся въ че-ловѣкѣ»²⁾). Этого не слѣдуетъ понимать буквально, въ томъ смыслѣ, что Монтанъ, именно, себя выдавалъ за Бога, или

¹⁾ „In spiritu enim homo constitutus praesertim cum gloriam Dei con-spirit, vel cum per ipsum Deus loquitur, necesse est excidat censu, obum-bratus scilicet virtute divina, de quo inter nos et psychicos quaestio est“. *Tertul.* „Adv. Marc.“ IV, 22.

²⁾ *Epiph.* 84, 4. См. у *Bonwetsch'a* Op. cit. 57.

Параклета, въ чемъ упрекали его православные полемисты. А нужно видѣть здѣсь выраженіе основного монтанистического убѣжденія, что устами Монтана и подобныхъ ему пророковъ говорилъ Самъ Богъ, или Его Святый Духъ. И такое убѣжденіе было у монтанистовъ столь сильно, что даже женщины-пророчицы въ моменты экстатическихъ прорицаній обычно говорили не въ женскомъ, а въ мужскомъ родѣ, какъ бы отъ лица вселявшагося въ нихъ Духа. Такъ, напр., Максимила пророчествовала: «Господь послалъ меня благовѣстителемъ ($\mu\eta-\nu\tau\gamma\mu$) и истолкователемъ ($\epsilon\rho\mu\tau\gamma\nu\epsilon\tau\gamma\mu$) этого новаго обѣтования, послалъ меня вынужденного ($\eta\gamma\alpha\gamma\chi\alpha\mu\epsilon\mu\gamma\mu$), хотящаго ($\theta\epsilon-\lambda\gamma\mu\tau\alpha$) и не хотящаго познать вѣдѣніе Божіе»¹.

Отправляясь отъ такого преувеличенно - возвышенного взгляда на достоинство своихъ пророковъ, какъ чистыхъ органовъ Божества, монтанисты совершенно естественно приходили и къ соотвѣтствующему взгляду на авторитетъ новыхъ пророчествъ. Это были слова самого Бога, чистыя и безпримѣсная откровенія Его Духа. Поэтому, не отрицая низшей, относительной истины за ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ откровеніемъ, монтанисты безусловно выше ставили и цѣнили свое новое, болѣе совершенное откровеніе, въ которомъ будто бы давалось дальнѣйшее раскрытие божественной истины. Отсюда и продукты этого откровенія — изреченія монтантанистическихъ пророковъ и пророчицъ — получали у нихъ огромный авторитетъ: они бережно хранились, заучивались наизусть и записывались въ особые сборники, предназначенные, по взгляду монтанистовъ, пополнить и завершить канонъ священныхъ книгъ².

На почвѣ такихъ взглядовъ сложилась у монтанистовъ и своеобразная теорія различныхъ возрастовъ Христовой церкви, подробно формулированная нѣсколько позднѣе Тертулліаномъ. Исходя изъ положенія «nihil sine aetate» и изъ словъ Екклезіаста «время всякой овощи» (Еккл. III, 17), онъ различаетъ слѣдующіе «возрасты» въ исторіи божественного откровенія:

¹⁾ *Epiph.* Haer. 48, 13. Ва. у Bonwetsch „Op. cit.“ Beil. I, 190 s.

²⁾ О сборникахъ монтанистическихъ пророчествъ, на подобіе Евангелія и апостольскихъ посланій, неоднократно, какъ мы видимъ, упоминаетъ Евсевій (V, 3; V, 16; VI, 20 и др.), а также и многіе другіе церковные авторы, приводящіе даже и примѣры монтан. изреченій. *Epiph.* 48 и 49. *Hippol.* Philos. VIII, 19. *Did.* De trinitate III, 11, 3. *Niceph.* IV, 22. См. Bonwetsch in Real-Encycl. XIII, 423.

сначала, во времена патриархального, оно находилось въ состоянии младенчества; при Моисеѣ и пророкахъ—въ возрастѣ дѣтскомъ; чрезъ Евангеліе перешло въ возрастъ юношескій и наконецъ чрезъ Параклeta достигло возмужалости¹⁾). Вслѣдствіе всего этого, у монтанистовъ развилось также самомнѣніе, высокомѣріе и горделиво-презрительное отношеніе къ остальнымъ вѣрующимъ, какъ людямъ, стоящимъ еще на низшихъ ступеняхъ духовнаго развитія²⁾). Самихъ себя они именовали «духовными» совершенными христіанами («пневматиками»), а всѣхъ «остальныхъ» «душевными» («психиками»), несовершенными (*Кл. Алек.* «Строматы» IV, 13. 93).

«Что касается *содержанія* монтанистического ученія, то, по совершенно справедливому замѣчанію проф. Болотова, въ вопросахъ догматическихъ, какъ категорично признаютъ всѣ полемисты противъ монтанизма и сами монтанисты, не существовало никакого различія между каѳолической церковью и монтанистами. *Regula fidei* была одна и та же... Весь смыслъ монтанистического движения лежитъ не въ этой области: все содержаніе пророчествъ монтанизма касалось нравственной стороны христіанства. Оно затронуло глубоко практическую сторону христіанской церковной жизни³⁾). Въ этой сфере первоначально монтанизмъ заявилъ себя, главнымъ образомъ, тѣмъ, что воскресилъ самыя живыя и напряженныя эсхатологическія ожиданія, т. е. ожиданія близкаго конца міра и грядущаго страшнаго суда, съ послѣдующимъ, чисто хиліастическимъ раемъ на землѣ и новымъ Іерусалимомъ въ его центрѣ. Припомнимъ, что по свидѣтельству Евсевіева анонима, такъ именно училъ самъ Монтанъ, который два незначительныхъ

¹⁾ Прот. Д. Касицынъ. Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. „Монтанизмъ“, Приб. къ тв. св. о. 43 ч. 1889 г. 434 стр. Ср. *Bonwetsch Op. cit.* 121—123 с. Основанія этого см. у *Tertull.* „De virgin. veland.“ 1 с.

²⁾ Припомнимъ характерную выдержку Евсевія изъ анонима, что „этотъ гордый духъ училъ злословить всю каѳолическую поднебесную церковь“ (Ев. V, 16 стр. 290).

³⁾ Проф. В. Болотовъ „Цит. сочиненіе“—359 стр. То-же самое говорить и *Bonwetsch:* Das Gebiet seiner (Montanis) reformatorischen T tigkeit ist vielmehr nicht das Dogma, sondern die Sitte, er ist novae disciplinae institutor“. *Op. cit.* 81 с. Но Вл. Троицкій думаетъ иначе и цѣльмъ рядомъ свидѣтельствъ устанавливаетъ фактъ несоответствія у монтанистовъ, въ особенности у Тертулліана, слова съ дѣломъ. Однако и самъ г. Троицкій вынужденъ признать, что это развилось сравнительно позднѣе. „Цит. сочин.“ 295—296 стр.

фригійскихъ городка — Пепузу и Тиміонъ — назвалъ Іерусалимомъ и приглашаль идти туда всѣхъ своихъ послѣдователей, чтобы они могли принять участіе въ имѣющемся скоро открыться мессіанскомъ парствѣ¹⁾). Близкое ожиданіе конца нынѣшняго міра настойчиво проповѣдывала и главнѣйшая сподвижница Монтана — Максимилла, которая, по словамъ Епифанія и Евсевія, утверждала, что она — послѣдняя пророчица, такъ какъ послѣ нея наступить конецъ міра²⁾). И всѣ эти эсхатологическія ожиданія монтанистовъ были настолько напряжены, что они чуть не грезили ими на яву. По крайней мѣрѣ, тотъ же Епифаній свидѣтельствуетъ, что и въ обычныхъ церковныхъ собраніяхъ монтанисты нерѣдко (*πολλάκις*) выступали юныя дѣвы, одѣтые въ бѣлые одежды и несущія возженные свѣтильники, очевидно, въ подражаніе мудрымъ евангельскимъ дѣвамъ, изшедшимъ въ срѣтеніе своего Жениха (Мо. XXV, 1 и Апок. III, 18, 7, 9)³⁾). Не даромъ, наконецъ, и Тертулліанъ — главный идеологъ монтанизма — «вкратцѣ обозначаетъ все ученіе Монтана, какъ предсказаніе о будущемъ судѣ»⁴⁾.

Напряженность эсхатологіи, при высотѣ самомнѣнія, породили и третью характеристическую черту монтанизма — *ригиристическую суровость* въ вопросахъ нравственной дисциплины. Ссылаясь на высшія, абсолютные требования своего новаго закона и на близость конца міра, монтанисты предъявляли христіанамъ крайне строгія, можно сказать, аскетиче-

¹⁾ Евсевій — цит. сочин. V, 18, 296 стр. Любопытны аналогіи, приведенные Дюшеномъ. „Монтанистическое переселеніе не представляеть исключительного явленія. Исполить (in Daniel IV, 8) разсказываетъ объ аналогичномъ фактѣ, случившемся въ его время. Одинъ сирійскій епископъ увелъ въ пустыню на срѣтеніе Христа громадную толпу христіанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Кончилось тѣмъ, что несчастныхъ арестовали, какъ разбойниковъ. Другой епископъ изъ Понта предсказалъ кончину міра, имѣющую наступить въ теченіе ближайшаго года; его паства распродала свой скотъ и побросала поля, чтобы приготовиться къ великому дню. Въ III в. въ Каппадокіи возникаетъ вопросъ о какои-то пророчицѣ, двинувшей цѣлую толпы народа на дорогу къ Іерусалиму (Сург. ер. LXXV, 10). Дюшено „Цит. соч.“ 181 стр. прим.

²⁾ „Μετ' ἐμὲ προφῆτις οὐκετὶ ἔσται, ἀλλὰ συντέλεια“. *Eriphan. haeres.* 48, 2 ed. *Dindorf* II p. 427. Ср. *Euseb.* V, 16, 18.

³⁾ „Πολλάκις δὲ ἐν τῇ αὐτῶν ἐκκλησίᾳ εἰσέρχονται λαρυγαδηφορῶσαι ἑπτά τινες παρθένοι, λευκείμονες, δῆθεν ἐρχόμεναι, ἵνα προφητεύσωσι τῷ λαῷ“ *Ibid. Haer.* 49, 2.

⁴⁾ См. у Болотова „Цит. сочиненіе“ 359 стр.

скія требованія. Это выражалось въ предпочтеніи дѣвства передъ бракомъ, въ отмѣнѣ повторныхъ браковъ, въ суровости постовъ, въ строгости покаянной дисциплины и въ усиленномъ искааніи мученическихъ вѣнцовъ¹⁾). Всѣ эти строго-моральныя черты, въ особенности послѣдняя, сильно возвышали обаяніе монтанизма въ глазахъ ревнителей христіанства. Недаромъ, по свидѣтельству анонима, сами монтанисты хвалились количествомъ своихъ мучениковъ и въ этомъ полагали чутъ ли не главное доказательство своей высшей правоты²⁾). Несомнѣнно, этими, именно, своими чертами—высокой моральной настроенности и геройской твердости духа при мученіяхъ,—монтанизмъ увлекъ и суроваго аскета—Тертулліана, ставшаго горячимъ его адептомъ, а также и доблестныхъ галльскихъ исповѣдниковъ, пытавшихся реабилитировать своихъ восточныхъ собратьевъ передъ папой Елевѳериемъ особымъ посланіемъ и достигшихъ извѣстнаго успѣха въ этомъ.

Сдѣлаемъ теперь попытку, основываясь на только что приведенной характеристицѣ ранняго монтанизма, кратко отвѣтить на вопросы: чѣмъ же, въ концѣ концовъ, былъ этотъ монтанизмъ? и въ какомъ отношеніи онъ представлялъ опасность для современной ему Христовой Церкви? На первый изъ этихъ вопросовъ всѣ ученые историки и богословы, при незначительной разницѣ въ оттѣнкахъ мысли, даютъ, въ общемъ, замѣчательно согласный отвѣтъ, именно тотъ, что монтанизмъ былъ аскетической реакцией гностическо-эллинистическому омірщенію христіанства и попыткой оживить угасающую харисму первенствующей Церкви³⁾). Въ христіанской

¹⁾ Подробный обзоръ каждого изъ этихъ цунктовъ см. въ монографіи Bonwetsch'a 81—118 с. Кратко о томъ-же у Болотова—361—365.

²⁾ Есевій—V, 16, 293 стр. „Die ganze Aufgabe der neuen Prophetie aber galt der Vorbereitung fü r das nahe Ende“—говорить также и Bonwetsch in R-E, art. „Montanismus“ XIII B. 421 с. 43.

³⁾ „Принципіально, монтанизмъ—обратная сторона (the exact revers) гностицизма... Это — аскетическая реакція материалистическому вѣку, хотя и навѣянная аристократическимъ духомъ древняго міра“. Gwatkin „Early Church“... II, 77 and 78 p. Oxford 1909. „Монтанизмъ—реакція съ энергичнымъ требованіемъ утвердить первоначальный видъ церкви“. Bonwetsch „Montanismus“ RE³, 13, 420, 10. „Вообще должно быть признано, что монтанизмъ обозначаетъ серьезный (bedeutsame, значительный) кризисъ въ отношеніи церкви къ міру, что онъ есть реакція за возстановленіе истинного первоначального христіанства противъ омірщенія церкви“. Bonwetsch „Die Geschichte Montanismus“ 15 с. „Монтанизмъ

церкви той эпохи (т. е. половины второго вѣка, когда впервые обнаружился монтанизмъ), замѣтно выступали два основныхъ течений: одно—широкое, либеральное, стремившееся создать безобидный компромиссъ между ученіемъ новой, христианской религіи и укладомъ жизни старой, языческой куль-

возсталъ съ силой әлементарнаго религіознаго движенія, въ качествѣ крайней реакціи древняго христіанства. Монтанизмъ полярно противоположенъ (Gegenpol) гностицизму, поскольку послѣдній представляеть острую эллинизацию Евангелія". *Harnack „Miss. und Ausbreit.“*, I, 367. „Проникновеніе христіанства въ міръ вызвало вскорѣ послѣ середины 2-го вѣка, сначала въ Малой Азіи, а потомъ также и въ другихъ областяхъ христіанства, особую реакцію, которая пыталась сохранить древнія настроенія и состоянія (Stimmungen und Zustände), или точнѣе, снова ихъ возстановить, и оградить христіанство отъ обміщенія ((vor Verweltlichung)—*Harnack „Dogmengeschichte“*, I, 425—426 с. „Монтанизмъ есть реакція дисциплинарная, ригористическая, притягательная (attirant), концентрированная, возвеличивающая старыя формы и старые обычаи, отъ которыхъ церковь, скорѣй, всегда имѣла тенденцію освободиться“. *Reville „Tertul. et montanisme“*. Revue des deux mondes, 1864, Novem. 166 р. „На границѣ двухъ періодовъ развитія (чрезвычайной, первенствующей эпохи и послѣдующаго, исторического періода) возникла реакція, которая вопреки естественной эволюціи (Umschwunge) христіанства, желала навсегда закрѣпить его первенствующую форму“. *Aug. Neander „Allg. Geschichte..“* I, 281 с. „Монтанисты, замкнувшись послѣ осужденія ихъ церковію, въ свой тѣсный кружокъ, представляли изъ себя партію строгихъ ригористовъ и пуританъ. Они претендовали на роль истинныхъ представителей древне-христіанской традиціи“. *Aubé „L' Eglise et l' Etat“*. Paris, 1885, 193 р. „Мы помѣщаемъ монтанизмъ въ категорію іудействующихъ ересей, хотя онъ по происхожденію своему и не имѣть отношения къ синагогѣ, какъ ювонизмъ. Тѣмъ не менѣе и онъ обращенъ къ мозаизму по своей общей тенденціи, по своимъ формамъ и по частнымъ обрядамъ... Номизмъ, мечтательность, апокалиптика, аскетизмъ—все это основы іудействующаго христіанства, которое подъ разными именами часто вновь появлялось въ церкви, но никогда съ большей силой, чѣмъ въ монтанизмѣ“. *E. de-Pressançé „Histoire des trois premières siècles de l' Eglise chretienne“*, I, 131—132 р. Paris 1861. Въ большинствѣ приведенныхъ нами характеристикъ монтанизма (особенно у протестантскихъ авторовъ) подчеркивается та мысль, что монтанизмъ былъ реакцией противъ обміщенія церкви и ея морального упадка, предпринятой во имя идеала изначальной, первенствующей церкви. Но если даже и принять такой взглядъ, то его необходимо сильно ограничить, чрезъ добавленіе той мысли, что тѣ пути, при помощи которыхъ монтанизмъ хотѣлъ возродить угасающую харизму апостольского вѣка, были лишь покушеніемъ съ негодными средствами. Болѣе подробное развитіе и обоснованіе такой, вполнѣ правдивой оценки монтанизма смотри въ диссертациіи Владимира Троицкаго (архим. Илларіона) 327—360 стр.,

туры. Типичнымъ выражениемъ этого течения было эллинизированный гностицизмъ. Другое течение—болѣе узкое и консервативное — тянуло въ сторону ригористическихъ требованій суроваго іудаистического номинализма. Рѣзко выступивши еще въ вѣкъ апостольскій (іерусалимскій Апостольскій соборъ, борьба ап. Павла съ іудействующими, по кн. Дѣян. и посл. къ Римл., Галат. и др.), течениѳ это красной нитью проходитъ чрезъ литературу мужей апостольскихъ (Кл. Рим., Варнава, Игн. Бог.), сильно чувствуется въ Дидахѣ и еще сильнѣе въ «Пастырѣ» Ермы. Оно же очевидно конденсируется теперь и въ монтанизмѣ, представляющемъ по взгляду большинства авторитетовъ (Harnack, Bonwetsch, Gwatkin etc.) какъ бы противоположность либеральному, язычествующему гностицизму. Въ полномъ согласіи съ такимъ взглядомъ стоять и слѣдующія выразительныя строки нашего виднаго церковнаго историка, проф. Болотова: «По своему началу, монтанизмъ представляетъ явленіе во многихъ отношеніяхъ противоположное гносису. Насколько въ гносисѣ преобладаетъ характеръ теоретическій, настолько монтанизмъ отличается характеромъ практическимъ. Гносисъ — это доктрина аристократовъ мысли. Центры, изъ которыхъ онъ распространяется,— Александрия, Антіохія, Римъ. Монтанизмъ, такъ сказать, демократиченъ и зарождается въ захолустѣ»¹⁾). Но эта демократичность монтанизма не только не уменьшала, а скорѣй даже увеличивала опасность отъ него: если гностицизмъ привлекалъ верхніе, болѣе образованные и культурные слои населенія, обычно, сравнительно, малочисленные; то монтанизмъ импонировалъ широкимъ простонароднымъ массамъ, всегда такъ падкимъ до разныхъ видѣній, прорицаній и экстатическихъ возбужденій, къ чему влечеть ихъ благочестиво настроенное чувство, лишенное просвѣщенаго контроля разума. И далеко не случайно то явленіе, что монтанизмъ, почва для котораго была достаточно готова повсюду, зародился, именно, здѣсь, въ захолустной деревушкѣ, на границѣ Мизіи и Фригіи, т. е. въ странѣ наименѣе культурной и даже дикой, да къ тому же еще издавна наиболѣе склонной къ проявленіямъ религіозной экзальтациіи и фанатизма²⁾.

¹⁾ Проф. В. В. Болотовъ „Лекціи...“ II, 351 стр.

²⁾ Еще Цицеронъ называетъ фригійцевъ народомъ „незначительнымъ и пустымъ“—Pro Flacco, 27. Это подтверждаетъ и христіан. писатель Іустинъ Фил. въ своемъ „Діалогѣ“ 119. „Фригія была одной изъ странъ

древности, наиболѣе склонныхъ къ религіознымъ мечтаніямъ... Христіанство приняло у нихъ съ самаго начала характеръ, по преимуществу, мистической и аскетической. Уже Павель опровергаетъ въ посланіи къ Колоссянамъ тѣ заблужденія ихъ, въ которыхъ можно было усмотреть признаки развившагося впослѣдствіи гностицизма й крайности плохо понятаго аскетизма. Въ другихъ странахъ христіанство почти повсюду стало религіей большихъ городовъ; здѣсь-же, какъ и въ заіорданской Сиріи, оно было религіей маленькихъ городковъ и деревень. Нѣкто Монтанъ, изъ городка Ардабавъ, въ Мидіи, на границѣ Фригіи, съумѣль придать этимъ религіознымъ безумствамъ заразительный характеръ, какого они до той поры не имѣли". Э. Ренанъ „Маркъ Аврелій и конецъ античнаго міра“. Перев. съ фран. Л. Я. Гуревичъ. СПБ. 1906. 123—124 стр. „Сама Фригія съ точки зрѣнія интеллектуальной не пользовалась доброй репутацией... Но нравственный характеръ этихъ простецовъ былъ довольно высокій. Эти люди вообще были замѣчательно честны, боялись крайне рѣдко. Въ нѣсколько угрюмомъ естественномъ складѣ фригійцевъ заложено было глубокое религіозное чувство, скавшееся въ особомъ изступленномъ культѣ матери боговъ—Кибеллы, который пользовался здѣсь большимъ распространеніемъ“. Проф. Болотовъ, „Цит. соч.“ 351—2 стр. „Новую профетію“, конечно неправильно выводить только изъ фригійского народнаго характера, но необходимо признать, что она испытала вліяніе отъ него, скавшееся въ этой „свообразной смѣси дикаго энтузіазма и строгости“ (Harnack, „Die Mission“ 2, II, 180 с.). „Нѣкоторое напоминаніе о монтанизмѣ и формахъ его аскезы могутъ дать и современные фригійские дервиши“. Bonwetsch „Montanismus“ in R-E. XIII, 420 с. (Ср. Tertul. „de jejunio. 2). *)

А. Покровскій.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки